

Родители Фан И развелись несколько лет назад, и он остался жить с мамой.

В тот день после обеда, закончив пробный экзамен, Фан И подошёл к учителю:

— Учитель, проверьте, пожалуйста.

— Хорошо, — Сунь Цзинь закрыл книгу, взял листы и принялся внимательно исправлять ошибки.

— У меня завтра день рождения, — сказал Фан И. — Отец обещал прийти, чтобы отпраздновать со мной. Можно я оставлю вам кусок торта?

— Спасибо, но я не очень люблю сладкое, — ответил Сунь Цзинь. — Съешь сам, и поздравляю тебя с наступающим.

Сунь Цзинь не то чтобы совсем не праздновал дни рождения. До семи лет у него были и младший брат, и родители, и красивый изысканный торт, и игрушки с подарками, которые так нравились маленьким мальчикам.

А после семи лет каждый его праздник состоял лишь из тарелки лапши, приготовленной матерью. Иногда она забывала или была настолько занята, что у неё не оставалось сил даже на это, и день просто проходил мимо.

Сунь Цзинь не мог судить, что в этих двух формах праздника было неправильно — в конце концов, обстоятельства кардинально отличались. Но если бы можно было навсегда остаться в том времени до семи лет, никто бы не отказался.

Призрачные грёзы всегда увлекают куда сильнее, чем реальность.

Сунь Цзинь до сих пор помнил слова матери: когда ему исполнится восемнадцать, она обязательно устроит ему праздник, чтобы отметить вступление во взрослую жизнь.

К сожалению, мать не дожидая до того дня.

День рождения Сунь Синланя тоже приближался — после него ему должно было исполниться пятнадцать.

Сунь Цзинь посмотрел на Фан И. Тот был на год младше Сунь Синланя, в его глазах всегда светилась детская наивность, он был послушным и обладал покладистым характером — полная противоположность Сунь Синланю.

Сунь Цзинь спросил:

— Ты часто видишься с отцом?

— Не часто. Мама не разрешает, но в день рождения делает исключение, — уныло ответил Фан И. — Раньше они постоянно ссорились, и я всё мечтал, когда же наступит день, чтобы они перестали ругаться. А потом они действительно перестали, потому что развелись. Я предпочёл бы, чтобы они ссорились, лишь бы не расставались. Когда мама забирала меня, отец всё держал меня за руку и просил слушаться маму и быть хорошим мальчиком. Раньше я не понимал, почему им нужно было разойтись, а сейчас, кажется, начинаю осознавать: возможно, им действительно не стоило быть вместе. Так ведь лучше, правда?

Сунь Цзинь смотрел на экзаменационный лист, чувствуя, как в горле застрял ком.

Он вспомнил, как в тот год, когда мать забирала его, Сунь Синлань заливался слезами. Он был таким маленьким, тянулся к матери, пытаясь ухватиться за её руку, но она безжалостно оттолкнула его.

Поэтому Сунь Синлань и Фан И — разные. Их воспитывали совершенно по-разному, и поэтому, повзрослев, они пришли к противоположным взглядам на жизнь.

Результаты выпускных экзаменов были объявлены. Сунь Цзинь справился отлично — набранных баллов с лихвой хватало для поступления в вуз его мечты на выбранную специальность.

Сунь Сянпин позвонил ему и велел приехать домой, чтобы вместе заполнить документы на поступление.

Сунь Цзинь не стал отказываться. Хотя подать заявление можно было и не приезжая домой, он решил, что всё же стоит заглянуть.

Поездка на автобусе заняла больше часа, и вот, с рюкзаком за плечами, Сунь Цзинь вернулся в дом Сунь.

Стоя перед дверью, он вдруг вспомнил слова Сунь Синланя: «Убирайся и не возвращайся», — и на мгновение заколебался.

Но он ведь только чтобы заполнить бумаги, к вечеру уедет. Сунь Синлань после экзаменов наверняка целыми днями пропадает на улице, они вряд ли столкнутся.

Дома действительно оказался только Сунь Сянпин. Сунь Цзинь поделился своими планами: он хочет подать документы в университет в своей провинции на специальность геодезического проектирования — он уже консультировался с учителями из школы, там сильная программа.

Сунь Сянпин просмотрел данные и позвонил своему знакомому.

Повесив трубку, он сказал:

— Сяо Цзинь, если хочешь идти на эту специальность, больше подойдёт университет Х в нашем городе. К тому же, после выпуска, если захочешь устроиться в проектный или геодезический институт, я могу замолвить словечко, и тебя возьмут без проблем.

Сунь Цзинь не то чтобы не думал об этом. Даже школьные учителя советовали подавать именно в университет Х, иначе с его баллами это была пустая трата потенциала. Но в глубине души Сунь Цзинь хотел держаться от этого города подальше.

Видя, что Сунь Цзинь молчит, Сунь Сянпин снял очки, потёр переносицу и вздохнул:

— Сяо Цзинь, я знаю, что мы всё ещё далеки друг от друга, но ты мой сын, и я просто хочу позаботиться о тебе. Если ты не хочешь жить дома, я куплю тебе квартиру, будешь жить один в своё удовольствие. Но, пожалуйста, не пытайся убежать куда-то далеко только ради того, чтобы кого-то избежать, ладно?

Нет отца, который не знал бы своего сына. В конце концов, в них текла одна кровь, и как бы они ни отделились, Сунь Сянпин понимал, что происходит в душе у Сунь Цзиня.

Он прекрасно знал, что Сунь Цзинь до сих пор ютится в той старой квартире, просто не хотел

раскрывать его секрет. Но поступление — это вопрос будущего, и он хотел, чтобы сын сделал лучший выбор.

Сунь Цзинь сжал губы. Если бы отец проигнорировал его или сделал вид, что ничего не понимает, ему было бы легче принять решение. Но прямоота Сунь Сянпина заставила его колебаться.

Сунь Сянпин, может, и не был идеальным мужем, но Сунь Цзинь был вынужден признать: с тех пор как он вернулся в дом Сунь, отец действительно пытался играть свою роль. Неважно, насколько успешно — одного намерения было достаточно, чтобы Сунь Цзинь не смог проявить жесткость.

— Я не это имел в виду, пап, не думай так, — сказал Сунь Цзинь. — Хорошо, пусть будет по-твоему. Первым приоритетом поставлю университет X, а вторым — тот, что выбрал я.

Произнося это, он судорожно сцепил пальцы. Это было не столько решение, сколько попытка набросить на себя ещё больше оков, из которых нет выхода.

Сунь Сянпин с облегчением улыбнулся:

— Вот и славно. Я скоро отлучусь по делам, помощница уже купила продукты, поужинаем сегодня дома, договорились?

Его участливый тон вызвал у Сунь Цзиня неловкость. Он мог лишь кивнуть:

— Хорошо.

Солнце село, а Сунь Сянпин ещё не вернулся. Сунь Цзинь сидел в своей комнате, глядя на подарочную коробку на кровати, и долго пребывал в забытьи.

Это была одна из целей его приезда, возможно, самая главная — он хотел заранее вручить подарок Сунь Синланю.

Слова Фан И напомнили ему: в конечном счёте, больше всего тогда пострадал именно Сунь Синлань. Он был слишком мал, чтобы осознать происходящее, а в процессе взросления ему не хватало необходимой теплоты, поэтому он стал таким, какой он есть сейчас.

Все несут ответственность, никто не может назвать себя невиновным.

Снизу послышался звук открываемой двери. Сунь Цзинь вышел в коридор и увидел, как Сунь Синлань прислоняет скейтборд к стене в прихожей. Помощница хлопотала на кухне, Сунь Синлань равнодушно скользнул взглядом по обеденному столу и направился вверх.

Сунь Цзинь преградил ему путь:

— Синлань...

— Не трогай меня, — Сунь Синлань оттолкнул его руку с ледяным выражением лица. — Что, деньги закончились, и ты приполз обратно?

Не виделись всего ничего, а Сунь Цзинь почувствовал, что брат снова подрос — теперь он был на полголовы выше. Смотрел на него свысока, с нескрываемым презрением.

— Я вернулся, чтобы заполнить бумаги, — Сунь Цзинь подавил нахлынувшую горечь. — Скоро уйду.

Боясь, что брат сейчас уйдёт, он добавил:

— У нас не так много шансов встретиться. У тебя день рождения в сентябре, верно?

Сунь Синлань облокотился на перила, задрал подбородок:

— И что с того?

— Подожди меня здесь.

Сунь Цзинь вернулся в комнату за подарком. У него дрожали руки от волнения. Выйдя обратно, он протянул коробку:

— Не знал, что тебе нравится, но хотел заранее поздравить тебя с днём рождения.

Сунь Синлань пару секунд смотрел на него, потом взял подарок, небрежно дёрнул за ленточку и начал медленно разворачивать упаковку.

На самом деле, уже в этот момент Сунь Цзинь должен был заметить неладное, но его сердце билось так быстро, что он не придал значения странностям.

Когда Сунь Синлань взял коробку, Сунь Цзинь по-наивному подумал, что лёд в сердце брата хоть немного тронулся.

Он смотрел, как Сунь Синлань рвёт бумагу, открывает крышку и достаёт комплект спортивной защиты: налокотники, напульсники и наколенники.

— Видел, что ты любишь спорт, подумал, что для катания на скейте тоже пригодится, не знаю, понравится ли...

Он не успел договорить, как Сунь Синлань, не проронив ни слова, развернулся и ушёл в свою комнату.

Сунь Цзинь не обиделся. Напротив, он обрадовался, что брат забрал подарок. Ему показалось, что младший просто упрямится и держит марку, но в глубине души не ненавидит его.

С этим настроением Сунь Цзинь за ужином впервые за долгое время искренне улыбнулся, чем даже удивил Сунь Сяньпина.

— Синлань сказал, что уже поел на улице, так что спускаться не будет. Ешь больше, — сказал отец.

— Угу, — Сунь Цзинь снова улыбнулся.

После ужина Сунь Цзинь сказал, что ему пора. Сунь Сяньпин не стал удерживать его и вызвал машину.

Пока они ждали водителя, сидя на диване, Сунь Синлань внезапно вышел из комнаты и спустился вниз. В руках у него был небольшой бумажный пакет. Он подошёл прямо к Сунь Цзиню. Тот в спешке поднялся, растерянно глядя на него.

— Возьми, — Сунь Синлань протянул пакет. — Откроешь только тогда, когда выйдешь из дома.

Поступок был крайне необычным. Сунь Цзинь ошарашенно пробормотал:

— Хорошо.

Сунь Сянпин рассмеялся:

— Что это ты решил подарить брату?

Сунь Синлань уже дошёл до лестницы. Обернувшись, он бросил:

— Сам посмотрит и узнает.

В машине Сунь Цзинь выдохнул и принялся разворачивать пакет. Он не знал, что внутри, пакет был очень лёгким.

Свет в салоне не горел, только мимолётные блики уличных фонарей прорезали полумрак.

Сунь Цзинь увидел сложенный лист бумаги. Он не стал сразу его разворачивать, решив сначала проверить, что лежит на дне.

Стоило ему мельком взглянуть, как сердце провалилось в глубокую бездну.

Он увидел обрывок логотипа — того самого бренда спортивной защиты, который он купил для Сунь Синланя. Всё было изрезано в клочья и свалено в пакет кучей. Каждая торчащая нитка в свете проплывающих мимо фонарей казалась скрюченными пальцами. Запах новой ткани, смешанный с запахом бумаги, болезненно ударил в нос.

У Сунь Цзиня пересохло во рту. Он дрожащими пальцами сложил пакет и отложил его на сиденье, а затем развернул листок.

Это была распечатка фотографии, чёрно-белая, сильно увеличенная, с зернистостью пикселей. Они напоминали кровожадных жуков, выстроившихся в два расплывчатых лица.

На фото были Сунь Цзинь и тот парень, который ухаживал за ним. Парень склонил голову и целовал Сунь Цзиня в щеку. Сунь Синлань видел это и обещал сфотографировать.

Жуки словно зашевелились, переползая с бумаги на руку Сунь Цзиня, на его лицо, рисуя ту же гримасу, что была на фото.

— Остановите... — Сунь Цзинь, задыхаясь, скомкал бумагу в кулаке. — Дядя... остановите машину...

— Что случилось? — водитель в замешательстве припарковался у обочины.

Сунь Цзинь с трудом открыл дверь, вывалился наружу, добежал до дерева и его начало рвать.

Он только что поужинал, но желудок был пуст. Внутри всё переворачивалось, выходила лишь прозрачная слизь.

— Может, переел? Или я вёл машину неаккуратно? — водитель подошёл и похлопал его по спине. — Может, в больницу?

— Не нужно... — Сунь Цзинь вытер рот и медленно выпрямился. — Всё в порядке.

Он мёртвой хваткой вцепился в бумажный ком, глотая тошноту и закрывая глаза. Физиологические слёзы, смешанные с безысходностью, катились по его щекам.

— Всё хорошо, поехали.

Это была вражда нового уровня. Сунь Цзинь больше не хотел делать никаких попыток наладить отношения с Сунь Синланем. Бесполезно.

Старые обиды, разрыв, расстояние, характеры, ориентация, пропасть в сознании — каждый фактор был огромной стеной. Каждая.

Забыть.

<http://bllate.org/book/22345/2341085>